

УДК 408.53:8-1

Н.В. Жданович

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПИТЕТА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ (XI – нач. XIX вв.)

С течением времени изменился взгляд человека на мир, и это изменение преобразовало систему эпитетов: от общих, постоянных эпитетов литература пришла к определениям, которые передают индивидуальную, субъективную оценку изображаемой действительности и отражают личностное видение мира. Именно поэтому эпитет является показателем не только стиля, направления, но и определенного способа мышления. С целью выявления функционально-семантических особенностей эпитета в русской поэтической традиции мы обратились к поэтическим произведениям XI – нач. XIX вв.

Эпитеты в «Слове о полку Игореве». «Слово о полку Игореве» А.С. Пушкин отнес к самым древним памятникам нашей поэзии, а Д.С. Лихачев назвал «величайшей патриотической поэмой Древней Руси» [1]. Несмотря на то, что жанровая специфика этого произведения является предметом споров исследователей, многие ученые считают его поэтическим произведением с признаками ритмической организации и стихового строя.

Высокую внутреннюю поэтичность произведения некоторые исследователи объясняют наличием в нем эпитетов. Однако при дифференциации семантико-стилистических функций определений в «Слове» необходимо иметь в виду, что понятие эпитета в Древней Руси не эквивалентно современному понятию о его структуре и сущности. Древнерусский эпитет – это образное, нередко метафорическое, а порой и символическое определение, дающее эмоционально-оценочную характеристику предмету речи. Очевидно, этим можно мотивировать такой разброс мнений относительно того, сколько и какие определения «Слова о полку Игореве» считать эпитетами. Так, Е. Гофман видит в произведении только 10 эпитетов (все постоянные определения),

В.Н. Перетц – 57, А.И. Никифоров – 208. Многие исследователи различают в «Слове» *постоянные* эпитеты (*сѣрыи вльци, свѣтлое солнце, чистое поле, чръный воронь, синее море* и т. п.), *украшающие* эпитеты (Ф.И. Буслаев, М.Н. Сперанский относят к ним *сребренные струи, злать стремя, теремъ златовръсьмь, багряная стльпа*) и *метафорические* эпитеты (*вѣщие прѣсты, жемчужная душа, злато слово, живые струны, желѣзные плѣки, хороброе гнѣздо, кровавая заря* и др.). Однако некоторые из отмеченных эпитетов можно считать и символическими.

Так, неоднократно в «Слове» появляется сочетание *злать стремя*:
1) *Тогда вѣступи Игорь князь въ злать стремя*; 2) *Ступаетъ въ злать стремя въ градъ Тьмуторокань*; 3) *Вступита, господина, въ злата стремя за обиду сего врѣмени, за землю Рускую, за раны Игоревы*. Несмотря на то, что некоторые исследователи считают эпитет *злать* в этом сочетании просто украшающим, можно предположить, что он эксплицирует символ. Вряд ли стремяна были действительно золотыми и собственно «украшали» предмет. Скорее всего, *вступить в златые стремяна* означало начало военных действий (*вступить в золотое стремя* = выступить в поход).

Появлению символического значения эпитета способствуют реализованные в «Слове» устойчивые парадигмы образов *битва – молотьба, конец битвы – пир, смерть – свадьба*: *Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста; ту пирь dokonчаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую* (кровавое вино ← вино – кровь). Кроме этого, эпитеты-символы мотивированы параллелизмом между природным миром и человеком: *Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдають: чръныя тучя съ моря идуть, хотять прикрыти 4 солнца, а въ нихъ трепещуть синии мльнии. Быти грому вѣликому! Идти дождю стрѣлами съ Дону великаго! Кровавыя зори и черныя тучи* – амбивалентные образы, которые, с одной стороны, репрезентируют природные явления (автор изображает

надвигающуюся грозу), а с другой – являются предзнаменованием битвы (*черные тучи – половецкие войска, дождь – стрелы, кровавые зори – грозящая опасность*). Описание приближения грозы сливается с символической картиной наступления половцев, которые «хотят прикрыть четыре солнца» – четырех русских князей – Игоря, Всеволода, Олега и Святослава. Параллели между природным миром и человеком прослеживаются на протяжении всего повествования: *Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркости, оба багряных стльпа погасоста, и съ нима молодая мѣсяца – Олеги и Святъславъ – тьмою ся поволокоста и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подаста хинови. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла – по Руской земли прострошася половци, акы пардуже гнѣздо.*

Не все эпитеты «Слова» одинаково бесспорны с точки зрения их функции в тексте. Исследователи оказываются перед дилеммой: что представляет собой то или иное прилагательное – обычное грамматическое определение или эпитет. Критерии их разграничения хотя и предлагаются учеными, но все они весьма относительны. По формально-грамматическим признакам эпитетом считается полное определение-прилагательное в постпозиции (Л.П. Якубинский, С.П. Обнорский). Однако подобная дифференциация основана на стилистической функции эпитета, тогда как семантическая характеристика определения не принимается в расчет. Если же обратить внимание на этот параметр, оказывается, что именно в полных формах препозициональных прилагательных «заметно сгущение смысла», поэтому вряд ли правомерно исключать их из системы древнерусских эпитетов.

Подчеркнутая символичность «Слова», которая локализуется в разбросанных по тексту оппозициях и формулах, осложняет интерпретацию определений-эпитетов, для которых помимо изменения семантики характерна контекстуальная диффузность, смешение, наложение нескольких значений – прямых и образных: *кровавая зори* (цвет ↔ опасность), *печаль жирна, жирня времена* (жир ↔ изобилие). Это дает возможность В.В. Колесову сделать

следующее заключение: «В «Слове» нет эпитетов: здесь представлены простые определения, хотя вся система семантических соответствий в конце концов и создает своего рода метафорический эпитет, образованный метонимическим способом просто по смежности близкозначных слов в поэтической формуле текста» [2, с. 256].

Наши наблюдения позволяют сделать вывод, что эпитетная система «Слова о полку Игореве», во-первых, соотносится с литературно-культурной традицией своего времени (совокупностью формул и символов: битва – молотба, пир и т. п.), во-вторых, обнаруживает в ряде случаев весьма оригинальные выражения (наверное, вряд ли можно найти аналоги *жемчужной душе* в русской поэтической речи). Подчеркивая актуальное с идейно-стилистической стороны качество предмета речи, эпитет выполняет в тексте функцию усиления образного представления или же эксплицирует символ.

Эпитеты в стихотворном наследии XVII века. До этого времени не существовало определенной поэтической системы и исследователи говорят только о случайных фактах стихосложения в русской литературной традиции [3; 4, с. 58-62]. В последней трети XVII века в России сложилась своеобразная литературная община, или поэтическая школа, представителями которой являлись Симеон Полоцкий и его ученики – Карион Истомин и Сильвестр Медведев. Этих талантливых людей объединяли не только личные связи, но и единый подход к построению поэтических образов, проявлением которого были практически сходные системы эпитетов: *мудрый (прѣмудрый) творитель (творец, создатель); велико, люто, добро врѣмя; злая мысль; светлое (прѣсветлое) солнце; дѣвственны цвѣты; чистая, чьстная (прѣчьстная, прѣчистая) дѣва; прѣчистое чрево* и т. п. Нельзя не заметить, что многие определения (включая и постоянные эпитеты) употребляются, во-первых, в форме превосходной степени с суффиксами *-айш-*, *-ѣйш-* (*добрѣший нравъ, мудрѣший мужъ, красѣшиша дѣвица, крѣплѣшиша поборница*), во-вторых, имеют префикс *пре-* в

значении 'наивысшая степень качества' (*прѣрадостный вѣкъ, прѣчьстна дѣва, прѣмудрыи мужи*).

Таким образом, в поэзии XVII века функция усиления образного представления является наиболее характерной и устойчивой для эпитета. Подобное использование определений заимствуется литературой классицизма и закрепляется в ней.

Эпитеты литературы классицизма. По своей структуре определение могло быть как простым, так и сложным, однако маркером классического направления выступает именно сложный эпитет, поскольку он обладает своими специфическими (не только деривационными, но и семантико-стилистическими) особенностями по сравнению с простым. Сложное определение характеризуется большой семантической емкостью и, следовательно, информативной значимостью, так как способно в одной словесной форме передать богатое содержание, «новое сложное представление», выразить такие оттенки качеств и свойств, какие трудно, а порой и невозможно подчеркнуть простым определением. Сложный эпитет 1) объединяет а) значения синонимичных компонентов – *яросвиренное величество, чернобрачная буря* (Тредиаковский); б) компоненты с противоположным значением; 2) заменяет многословные описания – *громоперунные молнии* (Тредиаковский), *среброчешуйный океан* (Державин); 3) служит средством создания поэтического сравнения – *водоплывный строй, каплеросные слезы* (Тредиаковский), *лаплистный клен, снегобелая грудь* (Державин) [5].

Как правило, сложные определения связаны с церковно-книжной традицией, поэтому они столь частотны в высоких жанрах русской поэзии XVIII века, отвечая ее торжественному, риторическому пафосу: *благословенный день* (Ломоносов), *велелепный глас, многомочные коварства* (Сумароков); *благочестивый царь, благополучная держава, багряновидны лозы* (Херасков), *благоспешный час, любомирный царь* (Тредиаковский), *благовейный пламень, великомоцное счастье, любомудрый взор, светозарный глас* (Державин).

Многие из сложных эпитетов характеризуют образы, непосредственно относящиеся к религии и связанные с библейскими мотивами: *благословенный творец, всесильный бог* (Сумароков), *светотворный ангел* (Херасков), *благотворное божество, благочестивая вера, милосердый дух* (Державин).

Практически все эпитеты классицизма имеют отвлеченно-оценочное значение. Это относится не только к сложным эпитетам, природа которых уже накладывала соответствующий отпечаток на их семантико-стилистическую характеристику, но и к простым. Наши наблюдения показывают, что значительная часть простых эпитетов употребляется в литературе XVIII века в гиперболизированном виде, когда определяемое слово «перенасыщается» характерным для него признаком и является самым ярким, идеальным из всех возможных дистрибутов: *чистейший луч, стих тишайший, светлейший супруг, славнейшие победы, сильнейшие полки, чистейший лик, храбрейша сила, громчайша слава* (Ломоносов). Излюбленным приемом выражения предельно высокой степени качества было использование определений с префиксом *пре-*, которые, согласно грамматикам XVIII-XIX вв., рассматривались как формы превосходной степени: *премерзка зависть, прехвальные доброты, прехраброй воин, пречудная ночь* (Ломоносов), *превеликий звук, прегорькия часы, прежестоки бури, преужасный рев* (Сумароков), *преискреннее сердце* (Тредиаковский). Предельная степень качества могла также выражаться при помощи добавления к определению компонента *все-*: *вседаровитый бог, всещедрый творец* (Ломоносов), *всеблаженные души, всеверный друг, всемерзкий Иппий, всемогущая рука, всемрачный Стиг* (Тредиаковский), *всесильный гнев, всещедрое божество* (Державин).

Максимальный охват слова сопутствующим признаком обуславливал появление таких определений-эпитетов, в которых сочетались различные аффиксальные средства превосходной степени. Такие формы прилагательных, как *премрачнейший, всепрегорький, всепремогущий, всепрещедрый*, представляют собой не что иное, как предельное усиление степени их качества, подчеркивающееся нанизыванием компонентов со значением 'очень много

чего-либо', 'чрезмерно обладающий чем-либо': *мрачн-ейш-ий* → *пре-мрачн-ейш-ий*; *пре-горький* → *все-пре-горький*; *пре-мощный* → *все-пре-мощный*.

Только незначительное количество атрибутивных сочетаний в произведениях В.К. Тредиаковского и Г.Р. Державина можно назвать оригинальными, поскольку в основе их образования лежат, как правило, нестандартные семантические связи между компонентами сложного эпитета: 1) объединение физического и эмоционально-оценочного признаков: *остросуровые* камни (Тредиаковский), *милосизая* птичка, *звонкоприятная* лира (Державин); 2) объединение разнородных качеств (такие эпитеты характерны для поэзии Г.Р. Державина: *выпуклозвонкая* лира, *железно-каменное* царство, *златобисерное* небо, *сочножелтые* плоды, *чернокудрявый* лес, *черноогненный* взор, *черно-пламенные* очи); 3) наличие причинно-следственных отношений между компонентами сложного эпитета: *бледносухая* зависть, *мрачнотуманные* печали (Тредиаковский), *вкусноспелые* плоды (Державин). Несмотря на то, что практически все сложные эпитеты составлены по продуктивным для XVIII века словообразовательным моделям, они отличаются в ряде случаев неожиданной новизной и свежестью с точки зрения семантики, так как соединяют слова разных лексико-стилистических пластов и лексико-семантических групп.

Эпитеты в поэзии сентиментализма. Несколько иные, чем в литературе классицизма, функции выполняет эпитет в произведениях сентиментального направления, специфической приметой которого является изображение внутреннего мира человека, его души и приоритет чувства как главной человеческой ценности. Доминантными становятся так называемые «эмоциональные» эпитеты, которые, подчеркивая субъективность впечатления, создают эмоциональный фон для развертывания контекстной информации.

Наиболее активной оказывается группа эпитетов, эксплицирующих отрицательные эмоции: *горестный*, *печальный*, *постылый*, *унылый*, *осиротелый*, *слезный* и ключевой эпитет сентиментальной поэзии конца XVIII века, создающий меланхолическое настроение, – *мрачный*. К этой группе определений можно также отнести эпитет *томный*, семантика которого

отражает один из основных мотивов сентиментальной поэзии, сущность которой очень точно передал В.В. Капнист в «Оде на рабство»: *Приемлю лиру мной забвенну, Отру лежащу пыль на ней <...> Для песней жалобных настрою; И соглася с моей тоскою, Унылый, томный звук пролью От струн, рекой омытых слезной.*

Сфера функционирования эмоционально окрашенных определений значительно расширяется за счет вовлечения в круг определяемых предметов большого количества абстрактных существительных: *мрачные ужасы зимы* (Карамзин), *мрачная скука* (Капнист, Карамзин), *унылый вид*, *унылые жалобы*, *унылая тоска*, *угрюмая судьба* (Капнист). Семантический акцент падает в таких сочетаниях на эпитет, а определяемое слово оказывается в позиции структурного элемента [6, с. 24; 7, с. 157], поэтому сгущение, стечение в одном контексте нескольких эмоционально-оценочных эпитетов способно создать соответствующее основному лирическому мотиву настроение уныния, тоски и подавленности: *Где от горести унылой, Где спастись от лютых бед? Нет в живых Пленеры милой! Милый друг! тебя уж нет! <...> Но, увы! ты отлетаешь, Дух мой в горесть погружаешь, В мрак унылой пустоты* (Капнист. Ода на смерть Пленеры). Именно эпитеты способствуют приращению смысла определяемого слова, поскольку вносят в его семантику тот или иной эмоциональный оттенок и рождают в воображении читателя цепочку ассоциаций, хотя семантика самих эпитетов существенно не изменяется.

Второй группой эпитетов сентиментализма являются определения, которые часто называют «сладостными», поскольку они канонизировались «в качестве поэзии чувства и сердечного воображения»: *дорогой (драгой), золотой (златой), милый, нежный, любезный, приятный, сладкий, сладостный*. З.М. Петрова, анализируя эпитеты в поэтической речи XVIII-XIX вв., пришла к выводу, что определения элегической тональности вступают в сочетания (в большинстве случаев) с определенным кругом дистрибутов, в результате чего создаются устойчивые выражения и поэтические формулы: *время – златое;*

друг – милый, любезный, дорогой; взор – нежный; сон – сладкий и т. п. [8, с. 138].

Наши наблюдения показывают, что сентиментальная поэзия уходит от сложных эпитетов, которые составляли доминанту классицизма, но в то же время оставляет (но не культивирует) закрепленный предшественниками прием употребления определений в превосходной степени, усиливающей акцентное выделение эпитета: *нежнейший друг, прекраснейшая тварь* (= человек), *приятнейшее время* (Карамзин), *дражайшая тень, приятнейшие надежды, чистейшие отрады* (Капнист).

Помимо стилистических особенностей, эпитетная система сентиментализма характеризуется семантическими обогащениями прилагательных-определений, в первую очередь, за счет калькирования переносных значений, которые были развиты во французском языке. Самыми распространенными в поэзии второй половины XVIII века являются семантические кальки прилагательных *блистательный, небесный, трогательный*, причем последнее определение (*трогательный* – ‘вызывающий умиление’) становится своеобразным маркером нового слога и идиостиля Н.М. Карамзина. *Блистательный* (*блестящий*) обогащается новыми значениями ‘великолепный’, ‘роскошный’, свойственными его французскому аналогу *brillant*, которые быстро осваиваются в русской речевой практике и закрепляются в языке. Развитие семантики прилагательного *небесный* происходило в течение нескольких десятилетий [9, с. 188]. Благодаря калькированию переносных значений, это прилагательное существенно расширило сферу своей сочетаемости. Наряду с *небесными* силами, *небесной* тенью, *небесным* ангелом, *небесным* лучом появляются сочетания *небесное* благоухание, *небесный* взор, *небесная* музыка, *небесная* красота, *небесные* черты, причем последние выражения закрепляются в литературе как поэтические формулы, коррелирующие с соответствующими французскими устойчивыми сочетаниями типа *beaute celeste* (‘красота небесная’ – ‘превосходная’, ‘неземная’), *visage celeste* (буквально ‘небесное лицо’ – ‘очень

красивое'). Следует также отметить, что при характеристике внешнего вида человека эквивалентом определения *небесный* в произведениях сентименталистов выступает эпитет *прекрасный* (*прекрасные* черты, *прекрасное* лицо и т. п.) и практически не используются другие прилагательные этого синонимического ряда – *красивый, приятный, хороший*. Такая преферабельность обусловлена переводческой деятельностью, поскольку только определение *прекрасный* соотносится с французским эпитетом *beau* [9].

Анализ материала показывает, что основной путь расширения состава эпитетов и их семантического обогащения в поэзии сентиментализма – метафорическое употребление определений, причем метафоризируются не только качественные, но и многие относительные прилагательные: *алебастровый, лилейный, снежный* приобретают цветовое значение 'белый': *алебастровая* грудь, *лилейная* белизна, *лилейная* рука, *снежный* цветок (Карамзин); *снежная* белизна, *снежная* головка цветка (Капнист); *жемчужный, перловый* приобретают значение 'похожий на жемчуг (перлы) своим блеском, цветом, формой': *перловый* ручей (Карамзин); *алмазный* – 'крепкий, несокрушимый': *алмазная* стена легионов (Карамзин); *железный* – 'неумолимый': *железная* рука судьбы (Карамзин); *весенний, вечерний, осенний, утренний* и подобные темпоральные определения приобретают новые экзистенциальные значения, мотивированные существующими в языке экзистенциальными метафорами. Такого рода определения довольно частотны в сентиментальной литературе, особенно у Н.М. Карамзина.

Таким образом, эпитет, являясь неотъемлемым элементом художественного высказывания, эволюционировал как в функциональном, так и в семантическом планах, которые, в сущности, взаимообусловлены и взаимосвязаны. Первоначально эпитеты, как правило, усиливали наиболее показательную черту (свойство, качество) в предмете речи, и в этой функции чаще всего употреблялись постпозитивные тавтологические определения в полной форме. В поэзии XVII века эпитеты стали употребляться в превосходной степени с целью максимального насыщения предмета тем или

иным характерным для него признаком. Впоследствии эпитет начинает акцентировать внимание на признаке, актуальном для интерпретации образа с позиции субъекта речи, причем совершенно не обязательно, чтобы этот признак был постоянным. Естественно, изменяются семантические отношения в структуре атрибутивного сочетания: они обогащаются и постепенно усложняются за счет расширения валентных способностей как определения, так и определяемого слова.

Ретроспективный взгляд на функционирование образных определений в поэтической речи позволяет сделать вывод, что система эпитетов претерпела значительные изменения, суть которых заключается в постепенном переходе от общих, прототипических эпитетов (своеобразного «эталона») к индивидуально-авторским, субъективно-характеризующим определениям. К первым индивидуально-авторским эпитетам можно отнести эпитеты *жемчужная душа, кровавое вино* из «Слова о полку Игореве», однако их употребление носит частный характер. Только в поэтической речи классицизма, несмотря на преобладание традиционных эпитетов (в основном сложных), начинает проявляться индивидуально-творческое использование определений у В.К. Тредиаковского, Г.Р. Державина, а затем усиливается у поэтов-сентименталистов. Это позволяет говорить о том, что именно с этого времени эпитет становится идентификатором художественного стиля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лихачев, Д.С. «Слово о полку Игореве». Историко-литературный очерк / Д.С. Лихачев. – М.: Просвещение, 1976. – 176 с.
2. Колесов, В.В. Эпитет в «Слове» / В.В. Колесов // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5-ти т. – СПб., 1995. – Т. 5. – С. 252-257.
3. Былинин, В.К. Русская поэзия первой половины XVII в.: Проблемы развития: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 01. 01. / В.К. Былинин. – АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М., 1985. – 16 с.
4. Дрыжакова, Е.В. В волшебном мире поэзии / Е.В. Дрыжакова. – М.: Просвещение, 1978. – 205 с.

5. Петрова, З.М. Сложные прилагательные в поэзии второй половины XVIII века / З.М. Петрова // Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина): Сб. ст. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Отв. ред. Ю.С. Сорокин. – М.-Л.: Наука, 1966. – С. 146-204.
6. Кожин, А.Н. Литературный язык допушкинской России / А.Н. Кожин. – М.: Русский язык, 1989. – 283 с.
7. Петрова, З.М. Поэзия Н.М. Карамзина. Функция и структура эпитета / З.М. Петрова // Очерки по стилистике русских литературно-художественных и научных произведений XVIII – начала XIX века.: Сб. ст. / Рос. АН, Ин-т лингвист. исслед.; Ред. Ю.С. Сорокин, З.М. Петрова. – СПб.: Наука, 1994. – С. 145-166.
8. Петрова, З.М. Эпитеты в лирике В.В. Капниста / З.М. Петрова // Литературный язык XVIII века. Проблемы стилистики: Сб. ст. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Отв. ред. Ю.С. Сорокин. – Л.: Наука, 1982. – С. 129-147.
9. Биржакова, Е.Э. Эпитет в переводном пасторальном романе («Галатеея» Флориана) / Е.Э. Былина // Очерки по стилистике художественной речи: Сб. ст. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Отв. ред. А.Н. Кожин. – М.: Наука, 1979. – С. 180-196.